

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

VOL. XXXIX. № 13,402. TUESDAY, JANUARY 4, 1949.

ВТОРНИК, 4 ЯНВАРЯ 1949 ГОДА

ЦЕНА ПЯТЬ СЕНТОВ.

Записки писателя

Н. ТЕЛЕШОВ

С 1890-х годов Масанов начинает помещать мелкие историко-литературные и исторические заметки в небольших московских газетах, затем печатает ряд библиографических работ во «Владимирских губ. ведомостях», «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии», затем в «Историческом вестнике» и в «Русском архиве». Эти выступления обратили на скромного автора должное внимание. Первая работа Масанова посвящена району Владимирскому краю и вызвала положительную оценку современной критики, как «бесспорно драгоценное приобретение и настольная книга для всякого желающего познакомиться с историей губернии». Вслед за ней выходит «Библиография сочинений А. П. Чехова». Строгий к себе Чехов большое количество сочинений не включил в прижизненное (марксовское) «полное собрание сочинений». Огромное наследство «начинающего» Чехова обнаружилось только после его смерти и открыл его именно Масанов.

«Спустя два года после смерти Чехова, И. Ф. Масанов предпринял нелегкий труд пересмотра всех юмористических журналов и всех московских иллюстраций поры чеховской молодости и подвел итог даже всем мелочам, вышедшим из-под его пера. Это было по истине целое открытие!» Так писал в своем предисловии А. А. Измайлов.

Вслед за публикацией библиографического указателя сочинений Чехова началось усиленное переиздание его забытых и затерянных рассказов.

Такой строгий и крайне щепетильный к выбору сотрудников своего журнала «Русский архив», как П. И. Бартев, считал необходимым опубликовать у себя эту выдающуюся работу библиографа-самородка, а затем поручил ему же составление указателя содержания «Русского архива».

Масанов не только любил и ценил высоко Чехова, но ему была дорога буквально каждая его строчка, каждая мелочь найденных сочинений. В процессе его библиографических исканий он с радостью заводил знакомства с людьми, близкими писателю — сестрой Марией Павловной Чеховой, с женой О. Л. Книппер-Чеховой, с В. А. Гиляровским, Белоусовым, Лазаревым-Грузинским... На этой же почве сблизился и мы с ним. В 1929 году была

напечатана «Чеховиана», где даны все сведения о трудах Чехова, обо всем, что было когда-либо написано о самом Чехове, кем и когда были эти статьи написаны и где опубликованы; даны сведения о всех произведениях Антона Павловича с указанием, где и когда они печатались.

В начале девятисотых годов Масанов приступает к составлению многотрудной своей работы «Словарь псевдонимов русских писателей и ученых» и с 1904 года начинает частично опубликовывать собранные материалы, памятуя, что многие крупнейшие русские писатели, как Гоголь, Лев Толстой, Салтыков, Короленко и многие, многие начинали свою литературную деятельность под псевдонимом. Он рассылает работавшим в те годы писателям, независимо от их литературных взглядов, просьбы сообщить свои псевдонимы, и все отвечают ему, охотно раскрывая свои вымышленные имена. Один только Амфитеатров вознегодовал на Масанова и даже выступил со статьей в газете «Русь» с протестом против опубликования псевдонимов, усматривая в этом покушение на «литературную собственность» и даже «одно из самых тяжелых литературных преступлений». Это так повлияло на Масанова, что он остановил свою работу, но по просьбе друзей и большинства писателей, заинтересовавшихся такой работой, считавших выступление Амфитеатрова нелепостью, стал продолжать свои изыскания, поддержанные рядом историков и литературоведов, как дело нужное и дорогое при изучении истории нашей художественной литературы, публицистики и науки.

В результате многолетнего неутомимого труда Масановым составлен словарь, охватывающий свыше 60 тысяч псевдонимов. Первый из трех томов Словаря вышел в издании Всесоюзной книжной палаты в 1941 году.

За последнее время он с увлечением работал над словарем «Анонимов», выясняя авторов статей, брошюр и книг без всяких авторских подписей и обозначений. Он выявлял этих таинственных авторов, называя их имена, и труд его, существенный для библиографической науки, шел полным ходом. Не просто, но страстно, работал над анонимами Иван Филиппович и все боялся не успеть закончить при жизни этот словарь, — что и случилось: сердце не выдержало всей непосильной нагрузки.

Вспоминается последнее наше свидание с Иваном Филипповичем в день его семидесятилетия. Он был уже серьезно болен и лежал на диване в своем кабинете, накрытый одеялом. Странно было видеть этого неустанного труженика, чей день обычно начинался с шести часов утра и кончался не ранее полуночи, все время занятого работой, теперь лежащего и бессильного. В этот день перебивало у него немало друзей, немало литераторов, научных работников и библиографов, ценивших его деятельность. Все отмечали его отзывчивость, его всегданнее стремление быть полезным всякому, кто нуждался в его сведениях, в его картотеке, доходившей в последние годы уже до 80 тысяч экземпляров. Он отвечал всем на запросы, давал сведения, указания источников — всячески помогал в работе всем, кто к нему обращался. За это и был он всеми любим и уважаем.

Благодаря трудам своим Масанов из темной неизвестности вышел на широкую дорогу и стал полезным своей родине, которую любил всей душой.

В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ

С Владимиром Алексеевичем Гиляровским я познакомился на свадьбе у Белоусова. В то время это был крепкий и сильный, веселый, остряк и затейник, с поступками оригинальными и весьма неожиданными. Еще молодым человеком он ушел в народ — по тогдашне-

та», где, между прочим, удачно предсказывал накануне бегов и скачек, какие лошади должны завтра взять призы на состязаниях, за что и носил одно время прозвище «Лошадный Брюс». В этом листке спорта мало-по-малу переучивались почти все его приятели — беллетристы, даже и я, не причастный ни к какой мере спорту, напечатал у него в газете рассказ о петушиных боях, на которые нарочно для этого ходил смотреть в один

из грязных замесковских трактиров

За годы революции Гиляровский написал несколько интересных книг: это личные воспоминания о житейских спутниках, о разных встречах и знакомствах; рассказы о старом Москве, о ее жизни, зданиях, улицах.

Умер Гиляровский в 1935 году в глубокой старости: ему было восемьдесят два года.

му увлечению, нанялся простым рабочим на волжском заводе. Потом в кавказской армии воевал с турками и получил за храбрость «Георгия», потом оказался актером где-то на провинциальной сцене. И газетный репортер, и поэт, и автор хлестких фельетонов из общественной жизни, Владимир Алексеевич, или, как обычно звали его многочисленные приятели, Дядя Гиляй (один из его литературных псевдонимов), был человеком таких разнообразных качеств, что не зря про него говорилось, будто он «и швец, и жнец, и в дуду игрец». Ни перед какими превратностями судьбы Гиляй не опускал голову. Его рассказы из жизни рабочих, собранные в книжку и изданные на средства самого автора, зарезала тогдашняя цензура и передала сожжению во дворе полицейского дома близ Сретенского бульвара. Он рассердился, что писателю не дают заниматься своим прямым делом, и в ответ открыл контору объявлений и разразился необычайной по тем временам рекламой. Он напечатал, величиною в серебряный рубль, круглые яркие радужные значки с клеем на обороте и лепил их повсюду, где можно и где нельзя — и на стекла знакомых магазинов, на стенные календари в конторах и банках, на пролетки извозчиков, и даже в Кремле, на царь-пушке и на царь-колоколе, сверкали эти огненные «объявления» о конторе объявлений Гиляровского. Потом он основал «Русское гимнастическое общество», где был председателем, и сам же прыгал там через «кобылку», показывая пример молодежи, дрался на эспадронах, поднимал над головой на железной кочерге двоих прилеп, повисших по обе стороны этой кочерги, и вообще показывал чудеса ловкости и силы. А сила у него была редкостная, исключительная. Потом, неведомо почему, внезапно исчез и оказался на Балканах, в Сербии, где в своих корреспонденциях вывел тогдашнего короля Милана «на свежую голову», раскрывши всю его интригу и доказав, что знаменитое покушение на Милана было подстроено самим же Миланом для личных королевских целей, чтобы показать в свое удовольствие балканских либералов. Это разоблачение подхватили европейские газеты, и Гиляровскому едва удалось унести из Белграда свою голову. Всегда чем-нибудь занятый и торопливый, с полными карманами всяких записок и бумаг, весело похлопывающий в то же время пальцами по серебряной табакерке, предлагая всем окружающим, знакомым и незнакомым, понюхать какого-то особенного табаку в небывалой смеси, известной только ему одному. Гиляй щедро расточал направо и налево экспромты по всякому поводу, иногда очень ловко и остроумно укладывая в два или четыре стиха ответ на целые тирады, только что услышанные. Когда только что появилась толстовская пьеса «Власть тьмы», Гиляй сострелял:

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,

А наверху — тьма власти.

И в 1905 году, во время вооруженного восстания, он всех бодрил своим спокойным отношением к смерти, своим полусерьезным, полужутливым экспромтом:

Пусть смерть пугает робкий свет,

Но нас бояться не принудит:

Пока мы живы — смерти нет,

А смерть придет — так нас не будет!

Одновременно дружил Гиляй и с художниками, знаменитыми и начинающими, с писателями и актерами, с беговыми наездниками, с жокеями и с клоунами из цирка, с европейскими знаменитостями и с пропойцами Хитрова рынка, с «бывшими людьми». У него не было просто «знакомых», у него были только «приятели». Всегда и со всеми он был на «ты». В течение нескольких лет издавал он газету «Листок спор